

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ
КАК САМАЯ СТРОГАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ:
ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ, ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ,
ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ**

А. И. Ступникова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

**DETENTION AS THE STRINGEST MEASURE OF PRESERVATION:
GROUNDS FOR ITS APPLICATION, PROCEDURE FOR SELECTION,
PROBLEM ASPECT OF THE USE OF ALTERNATIVE MEASURES
OF PRESERVATION**

A. I. Stupnikova

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Аннотация: исследование раскрывает уголовно-процессуальные критерии избрания заключения под стражу как наиболее строгой меры пресечения в России, описывает судебные стандарты обоснования и пределы ограничения свободы, а также анализирует функциональность альтернативных мер с позиции их нормативной конструкции и фактической пригодности для целей уголовного судопроизводства. Теоретическая рамка соединяет конституционную гарантию судебного контроля над изоляцией с положениями главы о мерах пресечения и разъяснениями высшей судебной инстанции. Показано, что актуальные редакции норм усиливают индивидуализацию решений, расширяют роль альтернатив и повышают требования к мотивировке. Аргументация строится на анализе конкретных статей УПК РФ, Конституции РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, что обеспечивает полноту и воспроизводимость вывода. Практическая значимость выражается в формировании проверяемых критериев для судебной и следственной практики по выбору между заключением под стражу и более мягкими ограничениями. Оптика прав человека задает методологический ориентир для оценки соразмерности и необходимости.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, судебный контроль, основания применения, конституционные гарантии, мотивировка судебного решения.

Abstract: this study explores the criminal procedural criteria for choosing pretrial detention as the most severe preventive measure in Russia, describes judicial standards for justification and the limits of freedom restriction, and analyzes the functionality of alternative measures from the perspective of their legal structure and actual suitability for criminal proceedings. The theoretical framework connects the constitutional guarantee of judicial review of pretrial detention with the provisions of the chapter on preventive measures and clarifications from the highest judicial authority. It is shown that current versions of the norms enhance the individualization of decisions, expand the role of alternatives, and increase the requirements for justification. The argumentation is based on an analysis of specific articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, and the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, ensuring the comprehensiveness and reproducibility of the findings. The practical significance of this study lies in the development of verifiable criteria for judicial and investigative practice regarding the choice between

pretrial detention and more lenient restrictions. A human rights lens provides a methodological guideline for assessing proportionality and necessity.

Key words: preventive measures, detention, judicial review, grounds for application, constitutional guarantees, reasons for the court decision.

Конституционная гарантия свободы и личной неприкосновенности устанавливает базовую презумпцию против необоснованной изоляции личности, поэтому судебная власть выступает единственным легитимным фильтром для решения о заключении под стражу. Правовая конструкция меры пресечения должна одновременно защищать цели уголовного процесса и минимизировать риски чрезмерного вмешательства в частную сферу. Отсюда вытекает ключевой вопрос о границах допустимости и стандарте доказанности, который обязан выдерживать переход от менее обременительных ограничений к изоляции.

Современная редакция норм об избрании мер пресечения отражает стремление законодателя повысить качество судебной мотивировки и укрепить конкуренцию альтернатив. Обновления в части оснований, категорий дел и исключений детализируют правила, адресуя типичные ошибки правоприменения. В то же время судебная практика сталкивается с устойчивыми вызовами: зависимость от тяжести обвинения как единственного аргумента, недостаточная проверка рисков, инерция в выборе изоляции при наличии технических средств контроля.

В данной научной статье представлено системное изложение условий, при которых изоляция остается необходимой и соразмерной, и проведено аналитическое сравнение возможностей альтернативных ограничений с учетом процессуальных гарантий и управляемости контроля.

Методологическая основа исследования включает нормативно-доктринальный анализ текстов Конституции РФ¹ и УПК РФ² в их актуальной редакции и интерпретацию судебных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Применяется конструктивное толкование норм, где текст статьи сопоставляется с функциональными целями уголовного судопроизводства и

конституционным стандартом судебного контроля над ограничением свободы.

Используется сопоставление норм о заключении под стражу с нормами об альтернативных мерах, что позволяет оценить логику перераспределения рисков между государством и обвиняемым. Эмпирическая составляющая представлена анализом процессуальных режимов заседаний и сроков, закрепленных в законе и разъяснениях высшей инстанции, с акцентом на требования к мотивировке и на порядок зачета времени применения мягких ограничений в общий срок изоляции.

Конституция устанавливает общий подход к мерам пресечения, если они связаны с изоляцией человека от общества: она допускается только по решению суда, что подчеркивает необходимость независимого контроля над столь серьезным ограничением свободы. Краткий срок задержания без суда выступает пределом, за который государственные органы не вправе выходить, тем самым очерчивая рамки допустимого воздействия на человека до обращения в суд. В теоретическом смысле такие требования формируют двухступенчатую защиту: сначала проверяется сама законность задержания, а затем – его временные пределы, что помогает сохранять баланс между интересами государства и правами личности. В этом контексте ст. 22 Конституции РФ выполняет не только роль прямого запрета, но и служит концептуальной основой понимания мер пресечения как института, который может применяться лишь при наличии судебного решения.

Иерархия мер пресечения, закрепленная в ст. 98 УПК РФ, отражает требование закона сначала рассматривать наиболее мягкие способы воздействия и выбирать только ту меру, которая действительно необходима для целей расследования. Заключение под стражу относится к самым строгим ограничениям и может применяться лишь тогда, когда суд установит, что более щадящие варианты не позволяют предотвратить заявленные риски. Такая последовательность побуждает суд двигаться от минимальных ограничений – подписки о невыезде

¹ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. 1993. 25 дек. № 237 (853).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

или запрета определенных действий к домашнему аресту и лишь затем, при наличии доказанных оснований, к изоляции. Подобный порядок обеспечивает соблюдение принципа минимального вмешательства и делает судебное решение более предсказуемым и прозрачным.

На этом фоне особенно важным становится вопрос о том, как эти нормативные требования реализуются на практике. Проведенный анализ нормативных положений и судебной практики позволяет точнее определить, какое место фактически занимает заключение под стражу среди мер пресечения. Хотя нормативная конструкция, основанная на конституционном требовании судебного решения и системе мер гл. 13 УПК РФ, формально закрепляет изоляцию как крайний и наиболее строгий вариант, ее реальное применение показывает иную картину. Судебная практика свидетельствует, что заключение под стражу по-прежнему используется значительно чаще, чем такие альтернативы, как запрет определенных действий, домашний арест или залог, несмотря на наличие предусмотренных законом гарантий их применения. Это обнаруживает заметный разрыв между тем, как мера должна применяться в теории, и тем, как она применяется на практике.

При этом прослеживается постепенное расширение сферы применения альтернативных мер: увеличивается набор ограничений, возможных в рамках запрета определенных действий, активнее используются домашний арест и залог, усиливаются требования к судебной мотивировке отказа от более мягких ограничений. В связи с этим изменения правоприменения целесообразно рассматривать не как уже сложившийся отказ от доминирования изоляции, а как этап перехода к более взвешенной модели. При такой модели альтернативные меры получают не только юридическое оформление и процессуальные гарантии, но и реальные шансы на применение – при условии развитой системы контроля и готовности суда заменять изоляцию там, где это не препятствует целям уголовного процесса.

В этом контексте особое значение приобретает вопрос о том, на каких основаниях может применяться самая строгая мера пресечения. Здесь ключевым ориентиром выступает система рисков, предусмотренная ст. 97 УПК РФ, которая направляет внимание суда не на формальную тяжесть предъявленного обвинения, а на то, какие действия человек может совершить в даль-

нейшем: скрыться, повлиять на участников процесса, уничтожить доказательства или продолжить незаконную деятельность. Каждый из этих рисков должен быть подтвержден конкретными данными и сопоставлен с особенностями личности обвиняемого, что делает решение о применении изоляции результатом индивидуального и доказательного подхода. В этой же логике ст. 99 УПК РФ требует учитывать укорененность человека, состояние здоровья, возраст, социальные связи и другие значимые характеристики, превращая выбор меры пресечения в комплексную оценку обстоятельств, а не в формальное следование категории преступления.

Процедура избрания заключения под стражу, установленная ст. 108 УПК РФ, строится на судебном контроле, который требует от суда самостоятельно проверять доводы следствия о наличии рисков, перечисленных в ст. 97 Кодекса. При рассмотрении ходатайства суд должен изучить все представленные материалы, выслушать позиции сторон и обеспечить участие подозреваемого или обвиняемого и его защитника, в том числе посредством видеосвязи при необходимости. Эти требования направлены на то, чтобы решение об изоляции принималось только тогда, когда подтверждены достаточные основания и когда суд убедился, что более мягкие меры пресечения не смогут предотвратить заявленные риски. Так, ст. 108 УПК РФ фиксирует порядок судебного рассмотрения и те гарантии, которые обеспечивают законность и обоснованность применения самой строгой меры пресечения.

Таким образом, ст. 108 УПК РФ не только определяет порядок судебного рассмотрения, но и задает рамки, внутри которых суд может прибегнуть к заключению под стражу. На этом фоне логично обратиться к материальным условиям ее применения. Они существенно ограничивают возможность использования изоляции и предусматривают, что в большинстве случаев эта мера допустима лишь по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Если же речь идет о преступлениях средней или небольшой тяжести, суд может избрать эту меру только при наличии исключительных обстоятельств – когда у лица нет постоянного места жительства, его личность не установлена, оно нарушило ранее избранную меру или уклоняется от органов расследования. Такие ограничения направлены на то, чтобы применение изоляции оставалось соразмерным и использовалось лишь тогда, когда

менее строгие меры объективно не обеспечивают достижение целей уголовного процесса³.

Специальные правила, регулирующие применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, беременных женщин, родителей малолетних детей и других уязвимых категорий (ч. 2, 2.1 ст. 108 УПК РФ), значительно повышают требования к обоснованию такой меры. В этих случаях изоляция допускается лишь тогда, когда речь идет о тяжком или особо тяжком преступлении, а по делам средней тяжести – только при наличии исключительных обстоятельств, прямо указанных в законе. Дополнительную защиту создает установленный законодателем запрет на применение изоляции к лицам, имеющим тяжелые заболевания, что должно подтверждаться медицинскими документами. Расширение и обновление соответствующего перечня в 2025 г. усилили эти гарантии. Такой подход ориентирует суд на минимальное вмешательство и обязывает учитывать личные и медицинские особенности лица при выборе меры пресечения⁴.

Судебное решение об изоляции требует точной формы. Процессуальный акт должен указывать преступление, основания и мотивы, копия вручается лицу и защитнику по просьбе. Норма о содержании постановления и определения зафиксирована в ст. 101 УПК РФ. Суд вправе рассмотреть альтернативы и избрать вместо изоляции запрет определенных действий, залог или домашний арест, если ходатайство следствия об изоляции не нашло достаточных оснований. Такая возможность прямо закреплена в ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ и поддержана разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Право на апелляционное обжалование реализуется в трехсуточный срок, что повышает плотность судебного контроля.

Режим сроков содержания под стражей детализирован законодателем. Предельные интервалы на досудебной стадии наращиваются по мере усложнения дела и тяжести состава, при этом

дальнейшее продление после установленного максимума не допускается, а нарушение сроков ведет к немедленному освобождению. В зачет включаются период задержания, время домашнего ареста и временной запрет на выход из жилого помещения по модели «два дня запрета – один день изоляции», что поощряет ранний выбор мягких ограничений при контролируемых рисках. Эти положения содержатся в ст. 109 УПК РФ. Пленум Верховного Суда разъяснил технику исчисления сроков и подчеркнул приоритет персонального участия или аудиовизуальной связи при продлении на судебной стадии⁵.

Контуры избрания мер в отношении подозреваемого до предъявления обвинения требуют отдельного внимания. Закон допускает такую конфигурацию в исключительных случаях, но связывает ее с жестким сроком предъявления обвинения, что предотвращает «подвешенное» состояние статуса. Это обеспечивает баланс интересов следствия и защиты и исключает злоупотребление процессуальным ресурсом изоляции до предъявления обвинения. Положение закреплено в ст. 100 УПК РФ⁶.

Границы между задержанием и заключением под стражу остаются ключевыми для корректного исчисления сроков и судебного контроля. Задержание возможно лишь при законодательно определенных основаниях и на короткий срок, а продолжение изоляции требует незамедлительного обращения в суд и проведения содержательного заседания по ст. 108 УПК РФ. Такой порядок обеспечивает непрерывность гарантий и предсказуемость процессуальной судьбы лица. Нормативная база содержится в ст. 91–95 УПК РФ и ст. 108 УПК РФ⁷.

Практическая логика выбора между изоляцией и альтернативами строится на пропорциональности. Суд проверяет, способен ли адресный контроль нейтрализовать заявленный риск

³ См.: *Ермолаев К. А.* Понятие и юридические свойства меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Казан. юрид. ин-та МВД России. 2025. Т. 16. № 1 (59). С. 60.

⁴ См.: О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1 // Рос. газета. 2025. 20 июня. № 133 (9672).

⁵ См.: *Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В.* Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 2 (97). С. 167.

⁶ См.: *Петриченко В. В.* О необходимости усиления роли прокурора в процессе избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Флагман науки : междунар. науч. журнал. 2024. № 6 (17). С. 718.

⁷ См.: *Каичева О. И.* Заключение под стражу как инструмент, способствующий правосудию : актуальные проблемы применения // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 7 (88). С. 110.

без помещения в СИЗО. Домашний арест и запрет определенных действий расширяют спектр управляемых настройками инструментов, а залог добавляет экономическую мотивацию добросовестного поведения. Пленум Верховного Суда подчеркивает, что суд обязан исследовать возможность более мягкой меры и мотивированно отразить результат проверки в постановлении, что корректирует традицию автоматизма при тяжелых составах.

Обновление перечня тяжелых заболеваний отражает стремление законодателя учитывать гуманитарные ограничения при применении заключения под стражу. Расширение списка и его привязка к медицинским критериям направлены на предотвращение ситуаций, когда изоляция объективно несовместима с состоянием здоровья подозреваемого или обвиняемого. Однако само по себе изменение перечня не гарантирует его строгого соблюдения⁸.

Аналитический обзор позволяет заключить, что устойчивость судебного контроля зависит от трех факторов. Во-первых, от качества мотивировки, где перечисление общих фраз уступает место проверенным фактам и оценке альтернатив. Во-вторых, от дисциплины сроков и прозрачности процедур, включая дистанционные форматы участия. В-третьих, от зрелости инфраструктуры контроля за мягкими мерами, поскольку технологическая и организационная состоятельность делает альтернативы не декларацией, а реальным инструментом снижения изоляции без ущерба для целей процесса. Позиции закона и Пленума в комплексе задают все необходимые рамки для такой эволюции⁹.

В таблице ниже систематизирован правовой режим меры пресечения «заключение под стражу» через три узловых блока: конституционный фильтр, материальные основания и процессуальная процедура. Конструкция опирается на ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, закрепляющую судебный характер изоляции, и на нормы гл. 13 УПК РФ, которые определяют риски по ст. 97, индивидуализацию выбора по ст. 99, порядок и

пороги применимости по ст. 108, сроки и продление по ст. 109, а также отмену или изменение по ст. 110; содержание судебного акта указывается в ст. 101, избрание меры в отношении подозреваемого – в ст. 100¹⁰. Такая компоновка позволяет проследить путь от доказуемого риска к мотивированному судебному решению и контролю сроков.

Анализ показывает, что суд не вправе ограничиваться ссылкой на категорию преступления. Бремя обоснования охватывает проверку конкретных рисков из ст. 97 и оценку личных обстоятельств по ст. 99 с фиксацией в судебном акте по ст. 101. Пленум Верховного Суда РФ № 41 в актуальной редакции прямо требует судебной проверки обоснованности подозрения и обсуждения возможности более мягкой меры даже при отсутствии ходатайства сторон, поэтому квалификация рисков и мотивировка отказа от альтернатив образуют ключ к легитимности изоляции.

Процедурный блок акцентирует обязательное участие подозреваемого или обвиняемого и защитника, допустимость видеосвязи при сохранении полноты состязательности, а также специальные исключения для рассмотрения в отсутствие лица, включая розыскные ситуации. Позиции Пленума детализируют подсудность и организацию контроля при избрании и продлении, что повышает управляемость календаря и снижает риск процессуальных дефектов¹¹.

Сроки по ст. 109 выполняют функцию процессуальной дисциплины с предельными интервалами и поэтапным продлением, где нарушение ведет к освобождению. Норма о зачете иных режимов ограничения свободы и правило немедленного исполнения решений об отмене усиливают гарантийный контур и мотивируют раннюю оценку пригодности некамерных режимов. В то же время ст. 110 обеспечивает динамику пересмотра при изменении фактической ситуации¹².

¹⁰ См.: Соловьёва Ю. А. Практика применения заключения под стражу: правовые основы и проблемы соблюдения // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 12 (81). С. 833.

¹¹ См.: Румянцева М. О. Заключение под стражу: некоторые размышления о проблемах законодательной регламентации и путях совершенствования // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 1. С. 89.

¹² См.: Петрикина А. А. Заключение под стражу: спорные аспекты правоприменения // Вестник экономики и права. 2025. № 107. С. 155.

⁸ См.: Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 141.

⁹ См.: Пикулева Е. А. Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 9 (90). С. 170.

Правовой режим меры пресечения «заключение под стражу»: основания, порядок избрания, сроки и судебный контроль (по Конституции РФ и УПК РФ)

Компонент правового режима	Содержание	Нормативная ссылка
Конституционный фильтр	Применение изоляции возможно исключительно по судебному решению; предварительное задержание вне суда ограничивается коротким сроком	Статья 22 Конституции РФ
Предмет и адресат меры	Мера применяется судом к подозреваемому или обвиняемому при обращении следователя (дознателя) с надлежаще оформленным ходатайством	Части 1, 3 ст. 108 УПК РФ
Основания применения	Необходимость пресечения рисков сокрытия, продолжения преступной деятельности, воспрепятствования расследованию и давления на участников процесса, уничтожения доказательств	Статья 97 УПК РФ
Индивидуализация выбора	Суд учитывает тяжесть обвинения, наличие насилия, сведения о личности, возрасте, здоровье, семейных связях, роде занятий и иных обстоятельствах	Статья 99 УПК РФ
Категориальные пороги и исключения	Приоритетно по тяжким и особо тяжким преступлениям; по делам средней и небольшой тяжести изоляция допустима при доказанных исключительных обстоятельствах (неустановленная личность, отсутствие места жительства, уклонение, нарушение мягкой меры)	Части 1, 1.2 ст. 108 УПК РФ
Процессуальная инициатива и содержание ходатайства	Ходатайство согласуется процессуальным руководителем, содержит фактические данные о рисках и обоснование невозможности мягкой меры; суд проверяет относимость и допустимость сведений	Части 3, 4 ст. 108 УПК РФ; постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41
Судебное заседание и форма акта	Обеспечивается участие лица и защитника; возможно использование ВКС при сохранении гарантий защиты; решение мотивируется с указанием фактов и правовой базы; копия вручается по просьбе	Статьи 101, 108 УПК РФ; постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41
Избрание меры в отношении подозреваемого	Допускается в исключительных случаях; предъявление обвинения — в установленный законом срок, увеличенный по перечню террористических и смежных составов	Статья 100 УПК РФ
Сроки и продление	Базовый предел на стадии расследования с возможностью поэтапного продления в установленных законом границах; превышение предела исключается	Статья 109 УПК РФ
Зачет периодов в срок содержания под стражей	Включается время задержания как подозреваемого; учитывается период домашнего ареста из расчета два дня домашнего ареста за один день содержания под стражей; учитывается период запрета выходить из жилища в определенные периоды из расчета два дня запрета за один день содержания под стражей	Часть 10 ст. 109 УПК РФ; ч. 3, 4 ст. 72 УК РФ; постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41
Особые категории лиц	Для несовершеннолетних, беременных, родителей малолетних детей и иных уязвимых групп действует повышенный порог обоснования; при тяжелом заболевании из утвержденного перечня изоляция недопустима	Части 2, 2.1 ст. 108 УПК РФ; постановление Правительства РФ от 23.06.2025 № 930
Отмена, изменение и немедленное освобождение	При отпадении оснований мера отменяется либо заменяется; при отмене изоляции лицо освобождается немедленно; процедура возможна на любой стадии при изменении фактических обстоятельств	Статья 110 УПК РФ
Апелляционное обжалование	Решение суда подлежит оперативной апелляционной проверке; суд апелляционной инстанции проверяет полноту мотивировки и оценку альтернатив	Статья 108 УПК РФ; постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41
Подсудность и организация контроля	Вопросы об избрании и продлении на стадии расследования рассматривает судья районного или гарнизонного военного суда; при продлении обеспечиваются личное или дистанционное участие и исследование доводов сторон	Статьи 108, 109 УПК РФ; постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41

Специальные оговорки ст. 108 о защите уязвимых категорий и медицинских противопоказаниях действуют как материальные барьеры для изоляции и требуют доказательной проверки медицинских документов и семейно-правового контекста. Судебная мотивация должна прямо отражать прохождение через эти барьеры, потому что игнорирование специальных условий влечет отмену судебного решения¹³.

Судебная практика подтверждает, что заключение под стражу и его продление допустимы лишь при доказанности конкретных рисков по ст. 97 УПК РФ, индивидуализации по ст. 99 УПК РФ и проверке пригодности альтернатив по ст. 108, 109 УПК РФ, что прямо акцентировано в актуальных разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2025 г. № 77-302/2025 иллюстрирует процессуальный стандарт состязательности при продлении срока содержания под стражей¹⁴.

Суд отменил решения нижестоящих инстанций, указав, что фактическая невозможность задать вопросы инициатору ходатайства о продлении нивелировала проверку обоснованности заявленных рисков и оставила вне анализа возможность более мягкой меры. Из содержания обзора следует, что кассация связала дефект процедуры с недостаточностью мотивировки в смысле ст. 109 УПК РФ и прямым долгом суда обсуждать альтернативы в логике Пленума. Практическое следствие заключается в необходимости фиксировать в судебном акте ответы на вопросы защиты и вывод о несостоятельности адресных ограничений, иначе продление не выдерживает проверку.

Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2024 г. № 77-293/2024 демонстрирует материальные ба-

рьеры для изоляции несовершеннолетнего¹⁵. Кассационная инстанция констатировала отсутствие «исключительных случаев» для изоляции по делу средней тяжести и невыполнение обязанностей суда обсудить отдачу под присмотр согласно ст. 423 УПК РФ. Отмечено, что бытовая укорененность и наличие семьи сами по себе уменьшают риск уклонения и давления, поэтому суд обязан показать, почему адресные меры не достигают целей производства. Вывод обобщает стандарт: категория преступления не подменяет индивидуальную оценку риска, а уязвимый статус лица усиливает бремя судебной мотивировки.

Сопоставление указанных актов с позицией Пленума подтверждает две опорные линии. Первая линия связана с процедурой: суд обеспечивает реальную состязательность при рассмотрении ходатайств об избрании и продлении изоляции, документируя исследование доказательств и ответ инициатора на вопросы защиты. Вторая линия относится к содержанию: ссылка на тяжесть состава или абстрактные опасения не заменяет фактов, подтверждающих риски по ст. 97 УПК РФ, а проверка альтернатив и особых оговорок для уязвимых категорий является обязательной частью мотивировки. Обе линии встроены в обновленные разъяснения Пленума № 41 в редакции от 27 мая 2025 г., что задает единый стандарт для судов нижестоящих уровней.

Проведенный анализ показывает, что заключение под стражу занимает в уголовно-процессуальном праве по-настоящему исключительное место и может применяться лишь тогда, когда подтверждены риски, указанные в ст. 97 УПК РФ, и когда суд приходит к выводу, что более мягкие меры не обеспечат целей процесса. Требование судебного решения, материальные ограничения ст. 108 УПК РФ и строгие правила исчисления сроков по ст. 109 создают прочную систему контроля за применением этой меры. В такой модели суд обязан проверить заявленные риски, учесть сведения о личности по ст. 99

¹³ См.: Бегова Д. Я., Магомедова К. Р. Судебная природа меры пресечения в виде заключения под стражу // Закон и право. 2024. № 1. С. 154.

¹⁴ См.: Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2025 г. № 77-302/2025. Процессуальные вопросы: принято постановление о продлении срока избранной меры пресечения. Решение: постановление отменено, производство по материалу прекращено. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=69252#z0npR0VMpWFLw01t> (дата обращения 23.10.2025).

¹⁵ См.: Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2024 г. № 77-293/2024. Процессуальные вопросы: принято постановление об избрании меры пресечения. Решение: постановление отменено, судебный материал направлен на новое рассмотрение. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=53993#02WpR0VWSguFmEKg1> (дата обращения 23.10.2025).

УПК РФ и объяснить, почему альтернативные варианты не подходят. Гарантийный характер усиливается правом на апелляцию и обязанностью немедленного освобождения при истечении предельного срока.

Одновременно развитие правового режима изоляции связано с необходимостью улучшать качество судебной мотивировки, активнее использовать адресные альтернативы и совершенствовать механизмы контроля за ними. Особого внимания требует и учет медицинских противопоказаний: обновление перечня тяжелых заболеваний усилило гуманитарные ограничения и направлено на недопущение случаев, когда содержание под стражей оказывается несоразмерным состоянию здоровья человека.

Библиографический список

Бегова Д. Я., Магомедова К. Р. Судебная природа меры пресечения в виде заключения под стражу // Закон и право. 2024. № 1. С. 153–156.

Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 2 (97). С. 165–170.

Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества // Правовое государство : теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 140–147.

Ермолаев К. А. Понятие и юридические свойства меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Казан. юрид. ин-та МВД России. 2025. Т. 16. № 1 (59). С. 57–65.

Каичева О. И. Заключение под стражу как инструмент, способствующий правосудию : актуальные проблемы применения // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 7 (88). С. 108–113.

Петрикина А. А. Заключение под стражу : спорные аспекты правоприменения // Вестник экономики и права. 2025. № 107. С. 152–160.

Петриченко В. В. О необходимости усиления роли прокурора в процессе избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Флагман науки : междунар. науч. журнал. 2024. № 6 (17). С. 718–722.

Пикулева Е. А. Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 9 (90). С. 167–177.

Румянцева М. О. Заключение под стражу : некоторые размышления о проблемах законодательной регламентации и путях совершенствования // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 1. С. 87–94.

Соловьёва Ю. А. Практика применения заключения под стражу : правовые основы и проблемы соблюдения // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 12 (81). С. 832–838.

References

Begova D. Ya., Magomedova K. R. The judicial nature of the preventive measure in the form of detention // Law and law. 2024. No. 1. P. 153–156.

Borkov V. N., Bulatov B. B., Pavlov A. V. Novella in the legislation on the selection of a preventive measure in the form of detention of a suspect (accused) // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 31. No. 2 (97). P. 165–170.

Davletov A. A., Azarenok N. V. Detention as a preventive measure applied to a person posing a threat to society // Rule of law : theory and practice. 2024. No. 3 (77). P. 140–147.

Ermolaev K. A. The concept and legal properties of a preventive measure in the form of detention // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 16. No. 1 (59). P. 57–65.

Kaicheva O. I. Detention as a tool contributing to justice : topical problems of application // Bulletin of Science. 2025. Vol. 2. No. 7 (88). P. 108–113.

Petrikina A. A. Detention : controversial aspects of law enforcement // Bulletin of Economics and Law. 2025. No. 107. P. 152–160.

Petrichenko V. V. On the need to strengthen the role of the prosecutor in the process of choosing a preventive measure by the court in the form of detention // Flagship of Science : International Scientific Journal. 2024. No. 6 (17). P. 718–722.

Pikuleva E. A. Detention as a preventive measure in criminal proceedings // Bulletin of Science. 2025. Vol. 2. No. 9 (90). P. 167–177.

Rumyantseva M. O. Detention : some reflections on the problems of legislative regulation and ways to improve // Economy. Right. Society. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 87–94.

Solovyova Yu. A. Practice of detention : legal foundations and compliance problems // Bulletin of Science. 2024. Vol. 3. No. 12 (81). P. 832–838.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Ступникова А. И., ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин, юрист управления правового обеспечения и имущественных отношений

E-mail: Stup.nastya.1999@yandex.ru

Поступила в редакцию: 05.02.2026

Для цитирования:

Ступникова А. И. Заключение под стражу как самая строгая мера пресечения: основания для применения, порядок избрания, проблемный аспект использования альтернативных мер пресечения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (64). С. 281–289. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/281-289>

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Stupnikova A. I., Assistant Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines, Lawyer of the Department of Legal Support and Property Relations

E-mail: Stup.nastya.1999@yandex.ru

Received: 05.02.2026

For citation:

Stupnikova A. I. Detention as the stringest measure of preservation: grounds for its application, procedure for selection, problem aspect of the use of alternative measures of preservation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1 (64). P. 281–289. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/281-289>